

Дмитрий Володихин

АНТИКВАРЫ ПРОТИВ МИФОТВОРЦЕВ

Со смешанным чувством читал я статью «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад», опубликованную в мартовском номере журнала «Знамя» за 2006 год. Ее автор, Игорь Черный, сетует на загрязненность общественного сознания откровенным мусором, на беспредельную мифологизацию российской истории. По его мнению, «...веками над историей России тяготеют мифы и штампы. Они настолько укоренились в массовом сознании, что уже практически неотделимы от так называемой исторической правды».

Что ж, верно. Принимая экзамены на историческом факультете МГУ, я выслушивал порой такой бред, хоть святых выноси! «Волхвы устроили крестьянскую войну...», а «Кирилл и Мефодий придумали латиницу»; «Иван Грозный он же и есть Иван Великий, иначе как же?»; «У немцев было очень много танков, так много, что они могли кого угодно ими закидать». Но мои знакомые, преподаватели других столичных вузов, покровительственно похлопывают меня по плечу, мол, приятель, да ты жизни не видел, ведешь семинары, можно сказать, у элиты, вот и бесишься с жиру, стоит ли обращать внимание на какую-то ерунду? А вот не хочешь познать истину про Хазарский каганат, который был основан князем Святославом? А про казаков, которых, оказывается, буквально все считают потомками Чингисхана? А про зарубежный поход русской армии, когда наши дошли до Берлина и там поймали Наполеона? «Эвона как...» — только и остается ответить мне, не покидая столбнячного состояния.

Разумеется, таковы не все гуманитарии, но «монстров» среди них с избытком. И если студенты исторических факультетов пребывают на

подобном уровне, о чем говорить, оценивая исторические знания среднестатистического образованного человека!

В общем, прав, по большому счету, Игорь Черный. Хотя сам он, приведя список «мифов и штампов» от Гостомысла до Фрадкова, поработал с материалом небрежно. В нескольких случаях автор соорудил новые, невиданные мифы. Так, Игорь Черный пишет: «XI век... Не с иродом-Святополком воевал «правильный» князь Ярослав (будущий Мудрый), ас... братом Борисом, канонизированным святым! А когда разгромленный Борис привел на Русь печенегов, чтобы захватить власть, Эймунд привез Ярославу голову мятежника...». Варяг-наемник Эймунд действительно упоминает некоего Буриц-леива, врага Ярицлейва (т.е. Ярослава Мудрого). Только к Св. Борису этот Бурицлейв не имеет ни малейшего отношения. Так скандинавы переименовали польское имя Болеслав. Среди противников Ярослава Владимировича был польский король Болеслав, политик деятельный и энергичный, воевавший еще с его отцом, Владимиром Святым. О нем-то и идет речь в «Эймундовой саге».

Столь же легкомысленно обошелся автор статьи и с пятнадцатым столетием: «XV век. Оттесненный на периферию отечественного «знания» истории князь Иван, «почему-то» прозванный Великим, как позже Петр I и Екатерина II, совершил некое малопонятное деяние — «стояние на Угре»... после которого кончилось иго... И мало кто из россиян скажет хоть что-то внятное об этом веке возрождения российского государства, строительства и укрепления Руси. Может, кто-нибудь еще вспомнит «Шемякин суд», ставший российской параллелью суда Линча. Похоже, это «ненужный век» в отечественной истории». Я специально просмотрел несколько учебников для средней школы и подготовительных отделений вузов. Столетие Ивана III Великого выглядит там весьма представительно. Тут главы и параграфы о внутренней войне Московского княжеского дома во второй трети XV

века, о присоединении Новгорода и Твери к Москве, о Судебнике 1497 года, пятисотлетие коего, кстати, отмечалось в 1997 году с большой помпой... Время от времени возникает «третьеримская тема», а в соответствующем томе «Энциклопедии для детей» подробно рассказано также о конфликтах между Московским государством и Великим княжеством Литовским. Все это массовые издания, а не какие-нибудь академические пятисотники или научно-популярные трехтысячники. Речь идет о десятках и сотнях тысяч экземпляров.

Но, повторяюсь, в основной идее Игорь Черный не погрешил против истины. Так в чем причина замусоренности нашей истории «мифами и штампами»? Отвечая на этот вопрос, надо прежде всего понять, откуда они берутся. Иначе говоря, откуда общественное сознание черпает сведения для построения исторической картины России?

Я устроил микроопрос столичных жителей — всего около ста, самых разных возрастов, обоих полов, в основном людей с высшим образованием и не-специалистов в сфере исторического знания, — пытаюсь выяснить, что для них является основным источником/источниками знаний по отечественной истории.

Признаюсь честно, результаты меня несколько утешили. Слова «телевизор» не произнес никто. О прессе и прочих СМИ помянули только двое, да и те оговорились, мол, иногда попадаетея кое-что приличное, а остальное — такая дрянь, что достоверность стоит возле отметки «зеро». Я допускаю возможность маленького лукавства: теле- и радиопередачи исторического содержания смотрят многие. Во всяком случае, многие из моих знакомых. Возможно, кое-какие факты, концепции, выводы, запоминаются и остаются в их интеллектуальном багаже навсегда. Но в общественном сознании накрепко засел концепт: «Умный человек никакой прессе, никакому радио, никакому телевидению не верит». Отсюда производная: «Умный человек, пребывая среди умных людей, в

здравом уме и твердой памяти, не должен признаваться в том, что газета стала для него источником знаний».

Правда, на «специальную», то есть научную, академическую литературу также не сослался никто. Ее читают специалисты, и точка. На общественное сознание впрямую она не влияет.

Кое-кто с краской стыда на лице выговорил: «Ну, всякие фильмы...». При более подробных расспросах удалось выяснить, какие именно фильмы оказались в числе «всяких». Это — «Александр Невский» (абсолютное большинство), «Суворов» (многие), «Адъютант его превосходительства» (пятеро), «Освобождение» (столько же), «Хожение по мукам» (двое), «Анна Ярославна — королева Франции» (один), «Звезда пленительного счастья» (один).

Довольно значительное число опрошенных, около трети, сослались на исторические романы. Всех названных книжек не перечислишь: занятие долгое, нудное, да и, по большому счету, бесполезное. В числе фаворитов были Дмитрий Балашов, Александр Сегень, Алексей Николаевич Толстой, Виктор Курочкин (военная проза), Бенито Перес Гальдос. Костылева и Язвицкого не вспомнил никто. Эйдельмана тоже. Суперлидером оказался... Василий Ян.

Абсолютное большинство черпает знания по истории из школьного (вузовского) учебника или из научно-популярной литературы. Возглавили список научпопов-цев Эдвард Радзинский и Николай Борисов (автор двух жэзээлок). И только один герой с горящими глазами произнес слова «новая хронология... великий Фоменко!». Что касается последнего, то мне оставалось закончить беседу максимально спокойным, дружелюбным тоном, а потом уйти побыстрее и подальше. А вот об учебниках и научпопе — особый сказ. Выходит, штампы и мифы гнездятся именно там. Если не считать, конечно, альтернативных историков — Фоменко,

Аджи, Бушкова и сонма аналогов помельче; да все они, кажется, после бурного успеха 90-х как-то подтухли, утратили и кураж, и тираж.

Научно-популярная литература волею рынка расцвела и преобразилась из серенькой золушки в цветущую королеву. Это исторический роман пребывает в упадке, а НП-серии множатся и прирастают все новыми и новыми авторами. С недавнего времени появился новый формат — «политпоп»... Другое дело, что весь этот молоком и медом истекающий участок книжного рынка относительно слабо связан с академической наукой и пользуется ее достижениями через три раза на четвертый. Не столь уж много настоящих, глубоких специалистов имеют, во-первых, литературные способности, хотя бы и уровня НП-литературы; во-вторых, станут отвлекаться от серьезной науки ради просвещения; в-третьих, располагают связями с издательствами. Кроме того, работа на НП-серию оплачивается далеко не по высшим ставкам, а двадцать авторских листов штукаря и халтурщика стоят, условно говоря, те же семьсот или тысячу долларов, что и двадцать листов умницы, таланта, знатока. Вот и выходит: для безответственного «килобайтчика» наковырять из старых книжек, выставленных в сети, по главке, по абзацу, по страничке, а потом малость пригладить стиль — выгодное дело, своего рода промысел. По полтора десятка книжек в год, по два десятка — вот уже и хлеб с маслицем, а где-то и с колбасочкой-икорочкой появляется на столе. Ласковая тетушка-сеть, она ведь играет роль неисчерпаемого кладезя для ворья, специализирующегося по интеллектуальной собственности... Причем из старенького, довоенного, красть легче — сам автор и его наследники не заявятся с большой горячей кочергой.

Абсолютно прав Игорь Черный, когда пишет: «Постоянно что-то ищут и находят историки, пишут статьи исследователи, но их открытия и выводы мало влияют на массовое знание истории». Главная беда НП-

литературы наших дней: на пятьдесят процентов, если не больше, она состоит из сборников древних анекдотов, криво и непрочны сшитых современным полуграмотным ворьем.

Чем остановить, чем поправить подобное положение вещей? В рамках рынка — ничем. А государственное финансирование проектов в этой области является делом редчайшим, уникальным. Если в детскую и юношескую литературу государство вкладывается неохотно, в час по чайной ложке, то до научпопа очередь вообще никогда, наверное, не дойдет. По всей видимости, вялотекущее ошизнение НП-книжек будет продолжаться и даже усилится.

Осталось обсудить главное: наши учебники.

Вот и Черный пишет: «...самое страшное, что мифы прочно оседают в учебниках истории и тиражируются в средствах массовой информации». О СМИ уже говорилось — они могут тиражировать любую информацию, но с середины 90-х их ценность в глазах читающей публики упала ниже плинтуса. Учебники — совсем другое дело. С ними соприкасается сто процентов населения России. И если общественное сознание поражено вирусами активного невежества, то учебники, по всей видимости, сыграли тут роль первой скрипки.

Допустим, многое было сказано об идеологизированности учебной литературы. В 90-х вместо одной идеологии — марксистской — учебники разных авторов создавались в соответствии с лекалами, выработанными целым их букетом. Игорь Черный замечает: дело не в советской власти — после того как «рухнула коммунистическая система», родились новые мифы, связанные с «разоблачениями прошлого». Сушая правда! Многообразие мифов только возросло. Появились, конечно, предельно деидеологизированные книжки (знаменитый университетский «Орловгеоргиев», выдержавший фантастическое количество изданий), однако они:

а) не делают погоды;

б) порой сами содержат искаженное описание фактического материала или устаревшие концепции;

в) если и не содержат мифов, искажений, анахронизмов, все-таки не являются лекарством от массового их бытования.

Ведь бытуют же, и никуда от этого не денешься!

Дело, по всей видимости, не в политике и не в идеологии. Учебной литературе присущ, очевидно, какой-то общий глубинный изъян или даже целый кластер изъянов.

Автор этих строк хотел бы выдвинуть предположение, пусть спорное, зато дающее возможность объяснить разом очень многое. Вероятно, в советские времена высокое искусство составления учебников пошло по неверному пути. И не в чугунных 30-х, а скорее в суетливых 20-х, если не раньше. Возникли системные ошибки. Иначе говоря, сам подход к этой работе порочен, хромают на все извилины генеральные требования к составителям.

Думается, первая системная ошибка — избыточная социологизированность, вторая — скудость языка.

Отечественный учебник на протяжении всего времени своего существования от первой половины XIX столетия до распада СССР постепенно набирал одно качество: отвлеченность от конкретных фактов и личностей, обращенность к глобальным процессам, массам, классам, масштабным общественным трансформациям. Иными словами, еще в дореволюционное время учебники по истории приняли на борт изрядный груз теоретизирования. На протяжении 20-х социология основательно потеснила историю со страниц учебных пособий по истории... Началось с книжки М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» и пошло, и поехало... В середине 30-х вышло несколько учебников, в большей степени обращенных к фактам и личностям, но потом

теория/массы/классы/процессы взяли свое. Автор этих строк в школе учил историю по знаменитой книге Нечкиной и Лейбенгруба; слова «признаки крестьянской войны», «усиление феодального гнета», «дальнейшее укрепление крепостничества», «переход к капитализму», «формирование» того, сего, пятого и десятого навечно застряли у него в голове. 90-е годы принесли в этом отношении одну нечаянную радость: переиздание старых, дореволюционных учебников, например, того же Роберта Юрьевича Виппера, блистательного методолога, который языком социологии говорил с коллегами, а учащимся давал факты. Новые учебники — за редкими исключениями — страдают все той же гиперсоциологизованностью. Как либеральные, так и консервативные. Министерство привычно требует схем, процессов, огромных людских потоков; автор учебника привычно хочет вставить в мозги школьнику или студенту свою схему, свой набор этих самых процессов...

А учащийся не хочет чужих схем. Ему неинтересно. Он отторгает попытки насилия над собственным здравым разумением. Он скучает. Он не находит в учебнике жизни, он находит там ржавые железки гуманитарных теорем. Ему легче плюнуть на всю эту историю, чем заинтересоваться ею. Особенно после фраз наподобие «.. .при Екатерине II шло укрепление дворянской монархии в России», или: «...начатки демократического устройства общества в домонгольский период пробивали себе дорогу в борьбе с княжеским централизмом». Далее страница за страницей идет исторический материал, заточенный под роль набора аргументов, обосновывающего идею об «укреплении» и «пробивании дороги». Какая тоска! Сколь бесполезная трата денег! Пять или шесть поколений, включая самое молодое, учились и учатся по книгам, которые банально скучны и перепичканы «общественными трансформациями». Миллиарды рублей выброшены на ветер. Девяносто девять процентов школьников и студентов приходят к экзамену в

состоянии губки, вобравшей серую жидкость учебника по соответствующему периоду истории; вот экзамен миновал — губка сжимается, ненужная серятина уходит, в голове остается голый интерьер. Впрочем, я привел наилучший вариант. Скорее останется полный хаос, случайно «зацепившиеся» фразы, случайные фрагменты структур, случайные факты. Иными словами, каша из сорока круп. Какие монстры в ней самозародятся, ведают только силы небесные.

Еще раз, на бис: теории, концепции, социологические штудии хороши для разговоров с коллегами или, в лучшем случае, для предисловий к учебникам. Внутри учебников их быть не должно. Хороший учебник надо строить на описании событий, человеческих судеб, бытовых подробностей, разного рода государственных и общественных организаций, а также текстов, важных для определенного времени. Притча, заложенная в биографии какого-либо исторического деятеля, намного нужнее и важнее «процесса борьбы за дальнейшее укрепление». Процессы сами выстроятся из фактов, а представление об эпохе разовьется из понимания судеб ярких личностей. Жизненный урок, содержащийся в биографии одного-единственного исторического персонажа, существенно полезнее целой тонны книжек об «ухудшении материального положения и социального статуса» у какой-нибудь, мнится, маргинальной общественной группы.

Плюс к этому, в конкретном материале отражается и красота, и ужасы нашей истории. В отвлеченном теоретизировании не увидеть ни того, ни другого. Зато «мифы и штампы» легко рождаются из неверной, быстро меняющейся среды социологических схем.

В XIX веке получил широкое распространение так называемый антикварный подход к истории. Историю писали знатоки текстов, люди энциклопедических знаний, тяготевшие к реконструкции старины, а не к аналитике. Сменившие их сторонники социологизма относились к

традициям антикварного подхода критически и немало сделали для их дискредитации. Что ж вышло? Пора объявить новый призыв «антикваров». Их «лавки древностей» сулят больше жизни, нежели «чертежные мастерские» социологизма.

Теперь поговорим о языковой бедности учебных пособий. Собственно, для среднего школьного учебника считается достоинством уже то, что он понятен. Большого давно никто не добивается. Восемь с половиной десятилетий книжки для школьников пишутся с помощью неудобопроизносимой академщины. Море терминов. Море тяжелых синтаксических конструкций. Канцелярит. Навороты стилистически несочетаемых элементов. Такова языковая реальность наших учебников по истории.

Почему так сложилось?

Всему виной опять-таки системная ошибка. История ныне воспринимается исходя из административного опыта и академической номенклатуры «сфер знания». Поэтому составители учебников видят в ней исключительно науку, науку и только науку, но ни капли искусства. Вот и возникает бессмысленный идеал гуманитарного учебного пособия, написанного языком, максимально приближенным к профжаргону «настоящих», то есть естественных, наук. Та же строгость категориального аппарата, то же упование на терминологическую однозначность как на манну небесную. Но естественников-то понять можно: у них иначе не скажешь, надо привыкать. Гуманитарная сфера — другое дело. Кто обязал ее изъясняться тем же манером? Сухая, обезображенная речь в стиле энциклопедических изданий вытеснила со страниц учебников какое бы то ни было «художество». Это и печально, и неправильно, и, надеюсь, преодолимо.

О времена, когда в России были историко-филологические факультеты! Где вы? О времена, когда личность, наделенная

способностями писателя, историка, философа и публициста одновременно, не вызвала удивления или непонимания! Куда вы делись? О времена, когда историописанием занимались Карамзин, Ключевский и Виппер! Почему закатилось ваше солнце?

Только те русские историки добивались понимания и любви со стороны образованных читателей, кто мог свободно изъясняться на русском литературном. Лишь историки, владевшие даром художественной речи, могли претендовать на внимание публики, на искреннее и доброжелательное приятие ею идей, наполнявших ученые труды. Кто не был литератором, тот и среди историков чаще всего оставался на втором плане.

Напротив, тексты, написанные для «внутреннего пользования», т.е. исследователем для других исследователей, не могли и не могут претендовать на внимание более чем нескольких сотен, в крайнем случае тысячи-другой читателей. И вот учебник попал в гетто «специальной литературы», обрел все «радости» безликой дюжинной лексики и многопудового синтаксиса. Но при этом его в обязательном порядке должны читать дети. Таков невинноглазый парадокс отечественной системы обучения: книги, сделанные так, чтобы их могли не без пользы и не без удовольствия прочитать двести-триста человек, рекомендованы для десятков и сотен тысяч!

Вывод: учебники по истории не должны писать люди, лишенные литературных способностей. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Невзирая на чины и ордена. Упаси Господь! Как говаривали в старину, это «Артель "Напрасный труд"». Иначе говоря, те же миллионы на помойке. Лучше пускай напишет человек увлекающийся, горячий, нравный, пусть не будет у него строгости в терминах, пусть не откажется он от пафоса, экзотических метафор и сарказма, пусть пошлет он на былинный срок в

тундру базальтовый категориальный аппарат. Лишь бы это можно было читать без зевотных спазмов! Только бы не новый опыт чугунописи...

Разумеется, при этом авторы учебников не должны врать или ошибаться в принципиальных вопросах, в фактической части, в цифрах. Тут уж встает задача подбора адекватной экспертизы. Но введение элемента художественности в ткань педагогического нарратива сделает, уверен, учебники интересными для учащихся. А значит, они лучше усвоят содержимое «ненавистой обязаловки».

Автор сознает, что его суждения небесспорны. И присоединяется к мнению Игоря Черного: после школы и вуза впору вводить ликбез по истории. Да по одной ли только истории!

От автора: Почти полтора десятилетия я работаю как академический историк. Лет десять — как литератор. И долгое время маялся, пытаюсь одновременно идти по двум разным дорогам. А потом перестал маяться, поняв; неправильно, что они разделены. Следовательно, можно с чистой совестью пренебречь этим разделением...